

И. В. Омелянчук

МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ,
МОСКВА, РОССИЯ

Монархическое (черносотенное) движение в России в 1905–1917 гг.

Аннотация. Правые партии в России возникли как реакция консервативно настроенных слоёв населения на развитие революционного движения. Они сыграли заметную роль в событиях 1905–1907 гг., встав на защиту самодержавия. Монархическое движение объединяло представителей всех сословий и стало самым массовым политическим движением в России в межреволюционный период. Черносотенная идеология критиковала проекты как социалистического, так и либерально-буржуазного переустройства России и, опираясь на традиционные политические и нравственные ценности, в первую очередь христианские, предлагала свой собственный вариант некапиталистического развития страны. При этом в идеологических конструкциях правых заметное место занимал антисемитизм, что не могло не сказаться на политическом имидже монархистов. После победы над революцией 1905–1907 гг. политическая активность правых существенно снижается, чему в немалой степени способствовало правительство, незаинтересованное в существовании неконвенциональной политической силы, стремящейся к реставрации «доманифестного» (абсолютистского) режима. Сыграли свою роль также раздоры и склоки в монархическом лагере, вызванные столкновением личных амбиций правых деятелей, пассивностью партийных масс, не видевших смысла в продолжении политической деятельности после окончания революционной «смуты», финансовыми затруднениями и т. п. Всплеск активности правых, вызванный началом Первой мировой войны, не изменил эту тенденцию в целом, и в феврале 1917 г. переживавшие упадок

малочисленные, разрозненные правые организации не сумели ничего противопоставить революционной буре и без боя сошли с исторической сцены.

Ключевые слова: Российская империя, самодержавие, монархические партии, консерваторы, Союз Русского Народа.

Для цитирования: Омелянчук И. В. Монархическое (черносотенное) движение в России в 1905–1917 гг. // Ортодоксия. — 2021. — № 4. — С. 84–108. DOI: 10.53822/2712-9276-2021-4-84-108

До последней четверти XIX столетия русский консерватизм представлял собой лишь идейное течение в отечественной общественной мысли, а его представители (М. М. Щербатов, Н. М. Карамзин, М. П. Погодин, славянофилы и др.) были весьма далеки от практической политической деятельности, предпочитая посвящать своё время философскому осмыслению проблемы бытия российского государства.

Однако процессы модернизации, точнее даже вестернизации, развернувшиеся в стране после Великих реформ 60–70-х гг. XIX в., значительно изменили социально-экономическую систему России, поставив на повестку дня вопрос и о политическом обновлении Российской империи. Такое развитие событий побудило правых публицистов, ведущую роль среди которых играли М. Н. Катков и К. П. Победоносцев, поднять голоса в защиту традиционных политических ценностей России. А в начале нового века приближающиеся раскаты революции побудили российских консерваторов покинуть свои уютные кабинеты в дворянских усадьбах и редакциях консервативных газет и с головой окунуться в неведомую для них ранее политическую борьбу. Начали возникать монархические партии и союзы — консервативное движение вступило в стадию институционализации, получив при этом от своих идеологических визави собственное имя — «Чёрная сотня».

Политические оппоненты правых использовали слово «черносотенец» в качестве бранного ярлыка. Но сами монархисты не отказывались от этого наименования, считая его почётным, и усматривали прямую связь между народным ополчением 1612 г. (основу которого составляли городские торгово-ремесленные объединения, нёсшие государево тягло, — «чёрные

сотни») и консервативными партиями начала XX в. Так, один из авторов «Московских ведомостей», скрывший своё имя за псевдонимом «Борец» (возможно, главный редактор газеты и председатель Русской монархической партии В. А. Грингмут), в статье с говорящим названием «Итоги кровавых дней» писал: «...я считаю за честь, что я принадлежу к “чёрной сотне”»¹.

Первой общественной организацией, вставшей на защиту монархии, стало «Русское собрание» (РС), «открывшее свои действия» 26 января 1901 г. В его составе доминировали представители столичной интеллигенции с аристократическими корнями и высшего чиновничества. На начальном этапе своего существования РС не ставило перед собой политических задач, сосредоточив свои усилия на культурно-просветительской деятельности. Но усиление революционного движения побудило «Собрание» прийти «на помощь ясно осознаваемой всеми русскими людьми потребности объединения для дружного отпора всё растущей смуте»² и стать полноценной политической партией. В правом лагере РС играло роль интеллектуального штаба вплоть до января 1914 г., когда оно в силу ряда причин вновь отказалось «от участия в жизни политических партий и возвратилось к своему первоначальному уставу» (Правые партии. Документы и материалы 1998: 12).

Вслед за правой интеллигенцией в рамках созданного в Москве в апреле 1905 г. Союза русских людей (СРЛ) объединились и дворяне (Левицкий 1914: 361). С ноября 1905 г. этой организацией руководил князь А. Г. Щербатов. И хотя он пользовался известным авторитетом в правом движении и был избираем почётным председателем нескольких региональных и всероссийских монархических съездов, про руководимый им Союз этого сказать нельзя. Единого руководящего органа СРЛ не имел, поэтому связь между отделами была весьма условной. Со временем почти все местные организации Союза стали самостоятельными. Практически одновременно с СРЛ «для борьбы с боевой партией конституционалистов» возникла и Русская монархическая партия (РМП)³. Организационным центром её формирования стала газета «Московские ведомости», редактируемая В. А. Грингмутом, избранным председателем партии. С 1908 г. партия стала именоваться Русский монархический союз (РМС).

¹ Московские ведомости. — 1906. — 1 января. — № 1.

² Деятельность обществ // Мирный труд. — 1903. — № 5. — С. 195.

³ Московские ведомости. — 1905. — 8 октября. — № 267.

Вышеназванные партии в своих рядах объединяли преимущественно представителей цензовых классов, поэтому после опубликования Манифеста 17 октября 1905 г., даровавшего политические свободы и вводившего в государственный механизм империи новый представительный орган власти — законодательную Государственную думу, в правых кругах зародилась мысль о создании массовой партии, которая не только будет обладать серьёзным электоральным потенциалом для проведения избирательных кампаний, но и сможет противостоять нарастающей революции «на улице». 8 ноября 1905 г. в Санкт-Петербурге состоялось первое заседание организации, получившей название Союз Русского Народа (СРН) и ставшей лидером монархического лагеря. Председателем Союза был избран А. И. Дубровин. Новая партия расширяла свои ряды в основном за счёт низших слоёв населения, для которых была значительно упрощена процедура вступления и установлены минимальные членские взносы. Бывший товарищ министра внутренних дел Б. В. Курлов отмечал: «Союз Русского Народа, единственная политическая партия в России, имеет соприкосновение с действительною массою простого серого люда. Вот в чём кроется и действительная сила Союза и его живучесть» (Союз Русского Народа по материалам... 1929: 106).

В ходе революции 1905–1907 гг. во многих регионах страны возникали местные контрреволюционные организации. Большинство из них оказалось однодневками, быстро сойдя с политической сцены. Некоторые же региональные монархические партии продолжили свою деятельность. Многие из них потом вошли в состав СРН на правах местных отделов (Курская народная партия порядка, Иваново-Вознесенская самодержавно-монархическая партия, Астраханская народно-монархическая партия и др.). Часть правых организаций, формально сохранив самостоятельность (Казанское царско-народное общество, Союз русских рабочих), тем не менее де-факто являлась структурами, аффилированными с СРН. В университетах возникли так называемые партии академического порядка, выступавшие против студенческих забастовок. Впоследствии они объединились в рамках Всероссийского национального студенческого союза (ВНСС), устав которого был утверждён 30 сентября 1909 г. (Шварц 1994: 44, 121). Наличие множества социальных перегородок в русском обществе способствовало возникновению различных правых организаций, выражающих консервативные политические устремления той или иной социальной группы. Существовали сословные («Кружок

дворян верных присяге»), молодёжные («Двуглавый Орёл»), женские («Общества русских женщин»), спортивные («Русский богатырь»), религиозные («Союз старообрядцев за Веру, Царя и Народность») и т. п. монархические организации.

Несмотря на обилие программных установок монархических партий, можно выделить их общие положения, составляющие ядро идеологии черносотенного движения. Духовные ценности, лежащие в основе «русского государственного строения и народного быта», по мнению правых, наиболее полно выражались известной формулой графа С. С. Уварова «Православие, Самодержавие, Народность».

Преследуя свою главную цель — сохранение «неограниченного самодержавия», монархисты подчёркивали, что оно не должно превращаться в абсолютизм, в инструмент личного произвола царя. Главным и единственным фактором, ограничивающим власть русского самодержца и не позволяющим ей превратиться в деспотию, правые считали христианскую веру. По мнению Л. А. Тихомирова, «без религиозного начала единоличная власть, хотя бы и самого гениального человека, может быть только диктатурой, властью безграничной, но не Верховной» (Тихомиров 1998: 85). Монархисты полагали, что только в союзе с Церковью они смогут достичь своих политических целей. Один из лидеров РМП протоиерей о. Иоанн Восторгов считал, что монархистам «надо быть не политической силой... а идти церковно-народным путём...» (Переписка и другие документы правых... 1998: 107). «Святое Православие» — «корень, от которого зависит целостность великого дерева, именуемого Государством Российским», — считали представители самой многочисленной черносотенной организации Союза Русского Народа (СРН). В силу этого «крепкое стояние за святую Православную веру, за Церковь Христову» признавалось «важнейшей целью существования СРН» (Переписка и другие документы правых... 1998: 100).

Неудивительно, что проблемам религии и Церкви правые уделили особое внимание. В первом пункте «Основоположений СРН» провозглашалось: «Российское Государство связано неразрывно и жизненно с Православной Церковью, потому она... должна иметь и сохранить в России своё господствующее положение». Правые также полагали, что Церковь должна играть большую роль в управлении государством. «Голос Православной Церкви должен быть заслушиваем Законодательной Властью во всех важнейших государственных вопросах», а «в общественных

делах и самоуправлении Православная Церковь должна иметь непосредственное участие», отмечалось в программе СРН. Предлагалось упрочить союз государства и Церкви посредством создания «правоспособной и дееспособной церковно-гражданской общины» — прихода, устройство которого «должно быть положено в основание дальнейшего церковного и государственного строения и служить связующим их звеном, признанным Государственной Властью» (Союз Русского Народа 1906: 6–7). По мнению одного из лидеров СРН А. А. Майкова, «отвечая, несомненно, существующей склонности всех славянских народов к общинности, наиболее осуществляя высокий идеал христианской общины, основанной на взаимной любви, церковный приход и в настоящее смутное время должен... явиться первым прибежищем, колыбелью нового возрождения русской самобытности» (Майков 1907: 40).

Монархисты стремились придать освободительному движению в глазах населения антихристианский характер, приравняв его к ересям, одной из форм которых и являлась, по их мнению, социал-демократия (Постановления Всероссийского съезда СРН... 1912: 7). Д. А. Хомяков утверждал, что «настоящая цель теперешних социалистов и анархистов есть уничтожения христианской нравственности, выражаемой культурой и государственностью»⁴. Представители Союза русских рабочих утверждали, что «социалисты... разрушают Веру православную»⁵.

Весьма скептически оценивая указ от 17 апреля 1905 г., даровавший свободы всем инославным христианам и разрешивший православным менять веру⁶, монархисты в большинстве своём тем не менее выступали лишь за запрет «пропаганды этих исповеданий», предлагая предоставить «инославным и иноверным исповеданиям» полную свободу «отправления их обрядов и религиозной жизни» (Союз Русского Народа 1906: 6–7). Лишь крайне правые монархисты «дубровинского» толка в своём обращении к самодержцу просили «не утверждать решений, нарушающих главенствующие права Церкви православной о дозволении перехода в инославие» (Постановления Всероссийского съезда СРН... 1912: 7).

Осознавая огромную роль православия в поддержании существующего в России политического режима, правые видели и то, что глубокий

⁴ Д. Х. Новейшая свобода // Мирный труд. — 1907. — № 6–7. — С. 227.

⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 538. Оп. 1. Д. 72. Л. 271.

⁶ Л. А. Тихомиров, например, считал, что «облечение правами инославных, при сохранении прежней несамостоятельности Православной Церкви, конечно, ставит её в самое затруднительное положение...» (Тихомиров 1998: 471).

кризис, в котором находилась Церковь, не позволяет ей служить надёжной опорой самодержавия. По мнению С. Ф. Шарапова, «церковь потеряла всякую духовную силу и обратилась в бюрократическое духовное ведомство с диктатором в лице обер-прокурора Синода» (Шарапов 1905: 37). Одним из следствий этого стало нарастание атеистических и нигилистических настроений во всех слоях русского общества, проявлявшихся порой в прямых антицерковных выступлениях: за 1905–1907 гг. было зафиксировано более 500 выступлений крестьян (самой религиозной группы населения) против духовенства, включая убийства священнослужителей, разрушения церквей и монастырей (Леонов 1999: 40). Правый журнал «Мирный труд» писал: «Если в наши дни даже крестьяне захвачены глупым творческим духом противления, то легко представить себе, что творится в других классах, более шатких в вопросах веры...» (Задонский 1904: 211).

Причиной кризиса Православной Церкви правые считали передачу управления ею бюрократическому государственному аппарату в лице Св. Синода. Выход из сложившейся ситуации монархисты видели в возвращении к каноническим началам, важнейшими из которых они считали соборность и восстановление патриаршества. В «Основоположениях» СРН подчёркивалось, что Православной Церкви «должна принадлежать полная свобода канонического самоуправления и жизни с Московским Патриархом во главе и только ей одной должно принадлежать право и свобода проповедания всем народам, населяющим Русское Государство» (Союз Русского Народа 1906: 6–7).

Снижению авторитета духовных лиц способствовала система взимания платы за исполнение священниками своих обязанностей, что в условиях отсутствия чёткой регламентации этой практики порождало обвинения в адрес служителей Церкви в алчности и корыстолюбии. В апреле 1906 г. «Тверские епархиальные ведомости» сообщали: «...в некоторых приходах Тверской Епархии крестьяне составляют приговоры об уменьшении духовенству платы за требоисправления»⁷. Улучшение материального содержания православного духовенства должно, по мнению лидеров СРН, решить эту проблему, освободив клир «от тягостной и часто унижительной зависимости от добротных даяний паствы» (Кирьянов 2001: 135). В ноябре 1911 г. съезд ВДСРН, указав на низкий уровень жизни приходского духовенства, порой вынужденного заниматься крестьянским трудом для обеспечения своей семьи, призвал власть

⁷ Тверские епархиальные ведомости. — 1906. — 1 апреля. — № 7.

«устроить жизнь... наших батюшек, чтобы им не нищенствовать, убегая от требы, дабы не пропустить уборки картофеля» (Постановления Всероссийского съезда СРН... 1912: 9).

Ещё одним краеугольным камнем черносотенной идеологии стало положение об исторической обусловленности самодержавия в России, являвшегося необходимой и лучшей формой проявления государственного бытия русского народа, обеспечивающей само существование русского национального государства и осуществление им его всемирно-исторической миссии. Главное преимущество самодержавия перед другими политическими системами, по мнению правых, заключается в том, что монархия основана на нравственном законе, данном непосредственно Богом, а конституционное государство — на юридических нормах, созданных человеком, которому, как известно, свойственно ошибаться. Важным достоинством самодержавной монархии правые также считали независимость Верховной власти от различных политических сил (в отличие от главы конституционного государства, избранного при содействии конкретных групп интересов), что позволяет ей в равной мере защищать интересы всех социальных слоев, не отдавая преимущество ни одному из них.

Несмотря на категорическое неприятие принципа парламентаризма, вступавшего в противоречие с неограниченным самодержавием, отношение правых к представительным органам не было однозначно отрицательным, ибо третий член уваровской формулы «народность», понимаемый как единение царя с народом, по-прежнему оставался краеугольным камнем идеологии русских монархистов. Для восстановления этого единения, утраченного в «Петербургский» период, часть правых предлагала возродить Земский собор, надеясь тем самым ещё и перехватить инициативу у оппозиции, требовавшей привлечения общественных сил к государственному управлению. Другая же часть монархического лагеря выступала против реанимации этого учреждения, опасаясь, с одной стороны, постепенного превращения Земского собора в полноценный парламент, а с другой — указывая, что изменившиеся социально-экономические условия просто не позволят воссоздать его в прежнем виде. После манифеста от 17 октября 1905 г., будучи вынужденным признать существование созданной волей монарха законодательной Государственной думы, российские консерваторы не оставляли надежд на её ликвидацию или превращение в законосовещательный орган. Со временем полевание русского общества, а также позиция

верховой власти, склоняющейся к использованию элементов конституционализма в своей политической практике, обусловили постепенную коррекцию взглядов консерваторов, признавших (хотя и с определёнными оговорками) целесообразность наличия в политической системе России представительного органа власти с законодательными полномочиями и направивших свои основные усилия на изменение избирательного законодательства с целью обеспечить лояльность к самодержавию депутатского корпуса.

Большинство правых публичных политиков, а вместе с ними и широкие партийные массы, стремясь сохранить существующую политическую систему России, особо не задумывались над необходимостью её модернизации. Но среди идеологов правых были и те, кто признавал недостатки существующего строя и настаивал на его изменениях, результатом которых тем не менее должно стать возвращение к «истинному самодержавию». Некоторые проекты преобразований, предлагаемые монархистами, были вполне адекватны проблемам, стоящим перед российским государством. Так, весьма своевременными и прогрессивными являлись идеи разделения властей и повышения роли местного самоуправления, отстаиваемые Л. А. Тихомировым (Тихомиров 1998) и С. Ф. Шараповым (Шарапов 1905). А многие предложения Д. И. Иловайского (многоступенчатые выборы, превращение Госсовета в верхнюю палату парламента, введение в него членов по выбору, создание должности главы правительства)⁸ были реализованы в законодательных актах конца 1905-го — начала 1906 г.

В своей политической деятельности черносотенцы основные надежды возлагали на массовые социальные группы — крестьянство и рабочих, которых они надеялись «вырвать из рук разъедающей их крамолы» и тем самым блокировать нарастание революционных процессов в Российской империи. Но предложить для этих слоев населения что-либо более привлекательное, нежели предлагала оппозиция, правые так и не смогли. Своими союзниками монархисты, не без оснований, считали купечество и мещанство, однако малочисленность и политическая неорганизованность этих сословий не позволили им сыграть существенной роли в политических баталиях этого периода.

В решении социальных проблем черносотенцы следовали заимствованной у народников тактике «малых дел», предлагая ряд мер, направ-

⁸ См.: Кремль. — 1905. — 24 февраля. — № 21 и 22.

ленных на постепенное улучшение положения народных масс. Но успех этих начинаний во многом зависел от «доброй воли» господствующих классов — помещиков и буржуазии. Поэтому, несмотря на ряд успехов (улучшение рабочего законодательства, некоторая корректировка способов осуществления столыпинской реформы и т. п.), изменить ситуацию в социальной сфере правым не удалось.

Монархисты достаточно чётко представляли себе экономические проблемы Российской империи и предлагали вполне адекватные способы их разрешения. Дисбаланс между аграрным и индустриальным секторами российской экономики правые намеревались решить с помощью дешёвого государственного кредита, который должен способствовать перераспределению средств между промышленностью и сельским хозяйством. Уровень сельскохозяйственного производства предполагалось поднять путём повышения агрокультуры, кооперирования и кредитования мелких хозяйств, создания развитой инфраструктуры, в первую очередь элеваторов и путей сообщения, а также введения государственного контроля над торговлей сельскохозяйственной продукцией, в особенности зерном. Важным фактором повышения жизненного уровня крестьянства правые считали развитие кустарной промышленности, которая должна насытить рынок предметами потребления и создать в деревне рабочие места в периоды сезонного прекращения сельскохозяйственных работ.

Развитие промышленности монархисты ставили в прямую зависимость от развития сельского хозяйства и главным способом её стимулирования считали рост внутреннего рынка за счёт повышения покупательной способности крестьянства и пролетариата. Стремясь не допустить установления зависимости экономики страны от иностранного капитала, черносотенцы предлагали ограничить сферу его применения и способствовать переходу промышленности, финансов и торговли в «русские руки» путём «национализации» кредита и создания законодательной базы, обеспечивающей преимущества русским предпринимателям. Серьёзным препятствием для развития промышленности правые считали монополии и предлагали принять против них ряд ограничительных мер. Ведущую роль в развитии экономики большинство правых отводило государству, определённую роль здесь сыграла и традиционная слабость российского частного капитала. Частная собственность признавалась консерваторами священным устоем общества и ей отводилась важнейшая стимулирующая роль в экономическом развитии страны.

Сохраняя имперский характер русского государства, черносотенцы стремились сохранить и имперский характер национальных отношений в нём, то есть господство титульной нации и подчинение ей других народов, которым пребывание в составе империи должно приносить «неисчислимыя блага», а именно: безопасность, экономическое процветание, доступ к культурным ценностям и т. п. Поэтому, не выступая против культурной и экономической самобытности малых народов, правые стремились затормозить их политическое развитие и тем самым блокировать процесс национального самоопределения для сохранения единства страны.

Характерной чертой монархической идеологии был антисемитизм, который для черносотенцев являлся одновременно и способом защиты своей национально-конфессиональной идентичности, и формой борьбы с революционным движением, и инструментом конкурентной борьбы в экономической сфере, и попыткой объединить массы людей, воздействуя на их инстинкты созданием образа общего врага. Своей главной задачей в еврейском вопросе черносотенцы считали сохранение исключительного законодательства в отношении евреев, надеясь тем самым минимизировать их влияние на политические процессы, проходящие в России.

Противопоставление «Россия–Запад» стало краеугольным камнем идеологических концепций русских монархистов в начале XX в. Правые полагали, что эти две цивилизации имеют совершенно разные, а порой и противоположные формы самовыражения. В политической сфере это самодержавие и конституционализм, в экономической — сельское хозяйство и промышленность, в социальной — соборность и индивидуализм, в духовной — православие и католицизм (протестантизм). В то же время внешнеполитическая доктрина правых отличалась чёткой оценкой существующих реалий и взвешенностью. В отличие от либералов, выражавших экспансионистские интересы буржуазии, борющейся за новые рынки сбыта, и левых радикалов, рассчитывавших захватить власть, превратив «войну империалистическую в войну гражданскую», правые стремились не допустить втягивания России в международные конфликты.

Важное место в идеологии черносотенного движения занимала критика либерализма и социализма. Монархисты, опираясь на теорию М. П. Погодина, поддержанную славянофилами, полагали, что либеральная политическая система возможна только в государстве, в основе которого лежит завоевание, приведшее общество к разделению на враждебные классы. В основе же Российской державы лежит не завоевание,

а «добровольное призвание», не социальная вражда, а гармония сословий, что делает западную демократию, основанную «на политическом торге между заинтересованными сторонами»⁹ (властью и обществом), совершенно непригодной для русской действительности. Монархисты указывали, что в системе представительной демократии народовластие невозможно, ибо в действительности власть будет сосредоточена в руках политиканов, именующих себя представителями народа. Критика социалистической идеологии основывалась на утверждении о том, что реальные плоды социализма будут кардинально отличаться от тех радужных перспектив, которые рисуют его приверженцы. По мнению правых, социализм приведёт к ещё большему закреплению личности и, лишив граждан свободы, не принесёт людям труда и материального благополучия. А всеобщее равенство, утверждали черносотенцы, не только не достижимо, но и вредно, так как будет препятствовать развитию общества, подавляя энергию талантливых индивидов.

Признавая необходимость введения всеобщего начального образования, монархисты стремились придать ему сутобо практическую направленность, делая акцент на ремесленных и сельскохозяйственных школах, чем хотели решить одновременно две задачи: стимулировать развитие экономики повышением уровня технической грамотности населения и сохранить сословную корпоративность гимназий и университетов для подготовки лояльных к самодержавию специалистов и чиновников. Важную роль в образовательном процессе, по мнению правых, должна играть Православная Церковь, закладывая в учениках фундамент верноподданнического мировоззрения. Наибольшую тревогу черносотенцев вызывало состояние высших учебных заведений, ставших в ходе Первой русской революции вотчинами оппозиции. Первоочередными мерами в сфере высшего образования монархисты называли ликвидацию автономии университетов, способствовавшей их превращению в «революционные клубы», и увольнение оппозиционно настроенных преподавателей. Кроме того, правые настаивали на прекращении практики получения образования за границей, следствием которой являлся экспорт революционных идей в Россию.

Прочно закрепившаяся в публицистической литературе версия об организации погромов осени 1905 г. монархическими партиями не выдерживает критики. К этому времени в России существовало всего три

⁹ Московские ведомости. — 1906. — 3 января. — № 2.

правых организации: «Русское собрание», СРЛ и РМП. Количество их сторонников исчислялось несколькими сотнями человек, большинство которых проживало в столицах. При всём желании они не могли бы организовать погромы, одновременно вспыхнувшие в 660 населённых пунктах (Кожин 1995: 109). Когда черносотенное движение набрало силу, в Российской империи произошло только два погрома, сравнимых по своим масштабам с октябрьскими, в Седлеце и Белостоке (лето 1906 г.). Но в Белостоке в тот период вообще не было монархических организаций, а в Седлецком Монархическом союзе русского народа к этому времени числилось 140 членов (Правые и конституционные монархисты... 1997: 110, 113). При этом русское население в этих городах по численности значительно уступало польскому и еврейскому.

Однако СРН в 1905–1907 гг. имел собственные боевые дружины, ставшие ответом на политические убийства, совершаемые левыми. Если оппозиция рассматривала террор как действенный способ защиты населения от произвола властей, то правые — как защиту того же населения, но уже от революционного произвола. Однако масштабы их не сопоставимы. Черносотенные боевые дружины совершили три или четыре политических убийства, а после окончания революции все монархические партии отказались от использования террора. В то же время общее число погибших от рук революционеров, по подсчётам американской исследовательницы А. Гейфман, только за 1905–1910 гг. составило 7634 человека (Гейфман 1997: 32).

И хотя борьба с оппозицией являлась одним из основных направлений деятельности черносотенных организаций, следует признать, что велась она преимущественно мирными средствами, на поле политической агитации и пропаганды. Значительное место в этой сфере деятельности правых занимали крестные ходы и молебны, практически полностью заменявшие в арсенале монархистов политические демонстрации. Учитывая религиозность населения, подобная деятельность правых, поддержанная Церковью, способствовала рекрутированию новых членов в ряды движения. Депутации к монарху, челобитные на высочайшее имя, а также обращения в адрес чиновников различных уровней являлись способом осуществления политического давления на правительственный аппарат.

«Вотчиной» монархических партий стали юго-западные окраины империи, где социально-экономические проблемы, характерные для всей тер-

ритории страны, дополнялись острыми этноконфессиональными противоречиями. В первую очередь это борьба за землю между польскими помещиками-католиками и православными крестьянами, а также экономическое противостояние между православными крестьянами и еврейскими торговцами-посредниками. В обоих случаях монархические партии стояли на стороне местного крестьянства, что обусловило его активное участие в черносотенном движении.

Популярны правые партии были и в губерниях нечерноземного центра России, где на сторону «Чёрной сотни» встали в основном представители средних и низших городских слоёв, чьё благосостояние было подорвано революционными событиями 1905–1907 гг. После спада революционной волны монархическое движение в центральных областях России начинает терять сторонников, не видевших смысла в активной политической деятельности после поражения революции. В окраинных же губерниях, в особенности на юго-западе, численность монархических организаций продолжала увеличиваться вплоть до начала Первой мировой войны, так как уровень политизации населения здесь не снижался, подпитываемый постоянно тлеющими социально-экономическими конфликтами с ярко выраженной этнорелигиозной окраской.

Черносотенство стало самым массовым политическим движением в России в период между двумя революциями. Один из лидеров «Русского собрания» Н. А. Энгельгарт в начале 1906 г. писал: «Черносотенное движение разливается по стране неудержимым половодьем»¹⁰. По подсчётам С. А. Степанова, к 1907 г. в 2208 населённых пунктах Российской империи действовало 2229 отделов различных монархических организаций, из них 2124 отдела принадлежало к СРН (Степанов 1987: 193), хотя Главный Совет Союза давал иное количество отделов — «более 4000»¹¹. Они насчитывали в своих рядах около 410 000 человек (из них 358 758 членов СРН) (Степанов 1992: 106).

Если в период Первой русской революции правительство весьма лояльно относилось к правым партиям, видя в них надёжных союзников в борьбе с освободительным движением, то после третьеиюньского переворота союз власти с монархистами практически распался: во-первых, ортодоксальные правые «дубровинского» толка не вписывались в политическую систему «думской монархии» в силу их неприятия

¹⁰ Энгельгарт Н. А. Чёрная маска // Мирный труд. — 1906. — № 2. — С. 192.

¹¹ Вестник Союза Русского Народа. — 1911. — 2 июля. — № 56.

парламентаризма; во-вторых, монархисты отнюдь не были абсолютно лояльны к Петербургскому «бюрократическому режиму», объявив его главным препятствием, мешающим единению царя с народом, и предлагая различные способы его реформирования, заслужив тем самым прозвище «революционеров справа».

Правительство в свою очередь не упустило возможности воспользоваться внутренним конфликтом в правом лагере для его ослабления. Во время избирательной кампании в III Думу умеренная часть Союза, возглавляемая В. М. Пуришкевичем и И. И. Восторговым, согласилась «с предложением бюрократии проводить в Государственную думу октябристов», то есть вступить с ними в предвыборную коалицию (Правые партии 1998: 577). Главный Совет СРН во главе с председателем А. И. Дубровиным в ответ запретил отделам СРН вступать в блок с «партиями, стремящимися к ограничению Царского Самодержавия» и отказался от использования на выборах правительственных денег, «так как правительство не имеет нравственного права тратить народные деньги, дабы создать при помощи Союза Русского Народа октябристскую Думу»¹². Тактические разногласия были усугублены личным конфликтом между А. И. Дубровиным и В. М. Пуришкевичем, также претендовавшим на лидерство. Следствием этого стали выход последнего из СРН и появление в ноябре 1907 г. новой партии — Русского народного союза имени Михаила Архангела (СМА), созданием которого В. М. Пуришкевич, выполняя «заказ» правительства, пытался приспособить правую организацию к политической деятельности в условиях «думской монархии». Но, несмотря на правительственную поддержку, СМА, учреждённый как парламентская партия, так и не смог создать в Думе собственной фракции, а его численность на порядок уступала Союзу Русского Народа (количество выданных членских билетов не превысило 20 тыс. (Спирин 1977: 185).

Если раскол СРН 1907 г. и создание СМА стали следствием личного конфликта в руководстве Союза, то раскол СРН 1909 г. имел более глубокие причины. Входящие в состав Союза представители высших слоев, в первую очередь помещики, образовали так называемое обновленческое течение, примирившееся с существованием третьеиюньской политической системы, символами которой стали Государственная дума и аграрная реформа П. А. Столыпина. Лидерами «обновленцев» стали Н. Е. Марков 2-й и С. А. Володимиров, к которым присоединился и В. М. Пуришке-

¹² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 116. Оп. 1. Д. 1. Л. 11, 11 об.

вич. На противоположной стороне оказались входившие в состав СРН представители крестьянства, недовольные столыпинской политикой разрушения общины, в которой они видели эффективный инструмент своей социальной защиты, рабочие (в большинстве своём недавние выходцы из деревни), оказавшиеся «пасынками» правительства, представители мещанства, которому не было места в социальной системе капиталистической России, а также часть интеллигенции с традиционалистским мировоззрением. Характерной чертой этого течения, возглавляемого А. И. Дубровиным, стало неприятие третьеиюньской политической системы. Летом 1909 г. сторонники Н. Е. Маркова 2-го обновили состав Главного Совета СРН и добились в нём численного преобладания (отсюда и термин «обновленцы»), а А. И. Дубровин, сложивший с себя в июне 1910 г. обязанности председателя, стал инициатором создания новой организации — Всероссийского Дубровинского СРН, конституированного в ноябре 1911 г. Между двумя партиями началась борьба за контроль над региональными отделами. Большинство низовых организаций встали на сторону А. И. Дубровина. «Марковский» Главный Совет СРН не нашёл ничего лучшего, как закрыть не желающие подчиняться отделы. «Дубровинцы» в ответ превращали филиалы Союза в самостоятельные организации («Тверской СРН», «Ковровский СРН» и т. п.) с последующим подчинением их ВДСРН.

Большинство монархистов считало, что расколы в Союзе были инспирированы П. А. Столыпиным, стремившимся превратить умеренную («обновленческую») часть Союза в лояльную к власти партию парламентского типа, а крайне правую «дубровинскую» (не вписавшуюся в третьеиюньскую политическую систему) — в политических маргиналов, не способных дестабилизировать режим «думской монархии». Даже Н. Е. Марков впоследствии утверждал, что П. А. Столыпин «всячески через своих подчинённых поддерживал рознь в Союзе», правда, отрицая при этом, что симпатии главы правительства были на стороне «обновленцев» (Падение царского режима 1926: 194–195).

Нейтрализуя опасного неконвенционального противника в лице СРН, правительство не оставляло надежд на создание влиятельной проправительственной монархической партии парламентского типа для защиты своих интересов в Думе («партии власти»). Летом 1908 г. на базе думской фракции националистов был конституирован Всероссийский национальный союз (ВНС), председателем которого был избран С. В. Рухлов.

Близкая по взглядам к националистам, фракция умеренноправых стала основой для создания летом 1909 г. одноимённой партии, председателем которой стал П. Н. Балашов. Если мнения исследователей о роли правительства в создании этих политических структур разделились, то влияние П. А. Столыпина на их последующее сближение практически не оспаривается. Во всяком случае, в январе 1910 г. умеренно правые и националисты объединились в рамках ВНС, занявшего откровенно проправительственную позицию. Председателем Союза стал П. Н. Балашов. Основное отличие умеренноправых националистов от крайне правых заключалось в признании ими парламентаризма в качестве принципа государственного строительства. При этом программа ВНС провозглашала одновременно и незыблемость законодательной власти самодержавного царя. Благодаря поддержке правительства и наличию в рядах партии представителей интеллектуальной и финансовой элиты, националистам, несмотря на узость своей социальной базы, удавалось оказывать существенное влияние на результаты думских выборов и, соответственно, на работу самой Думы.

Спад накала политического противостояния в обществе после выборов в IV Думу привёл к заметному снижению активности всех политических партий, в том числе и монархических. Их деятельность утрачивает былой размах, многие лидеры правых (А. И. Дубровин, Б. В. Никольский, А. И. Соболевский, А. Г. Щербатов и др.) отходят от политической деятельности. Однако начало Первой мировой войны и сопровождавший его патриотический подъём привели к некоторому оживлению деятельности монархистов, направивших свои усилия на оказание помощи армии сбором пожертвований, открытием лазаретов и т. п.

С началом войны меняется внешнеполитическая ориентация русских монархистов. По свидетельству французского посла М. Палеолога, «крайне правая» вплоть до начала войны «проповедовала соглашение с германским императором» с целью «усилить православный царизм тесным союзом с прусским самовластием» (Палеолог 1991: 66, 67). Однако после начала войны монархисты переходят на англофильские позиции, всячески откращиваясь от своей прежней внешнеполитической линии. Ярким примером является эволюция взглядов В. М. Пуришкевича (Иванов 2011: 222). Правда, некоторые из них впоследствии вновь пересмотрели свои взгляды. Так, в феврале 1915 г. Департамент полиции сообщал, что среди правых возникло течение, выступающее за сепаратный мир с немцами из опасения, что «окончательный разгром Германии вызовет

в последней государственный переворот, который в свою очередь неблагоприятно отразится и на монархических устоях в России, где под влиянием Германской республики может тогда же вспыхнуть вторичное революционное движение» (Кириянов 2001: 379). Наиболее известным представителем этих неогерманофилов был А. И. Дубровин. Издаваемое им «Русское знамя», по словам современников, «вело себя очень часто как “Прусское знамя”» (Ленин 1961: 298). Его соратник П. Ф. Булацель также критиковал проанглийские настроения в обществе и даже полагал, что одним из следствий сближения с Великобританией может стать превращение России в английскую колонию.

Летом 1915 г. поражения русской армии и нарастание вызванных этими событиями оппозиционных настроений побудили оппозицию нарушить принцип «священного единения» и создать в Думе Прогрессивный блок, ставший во время войны на путь борьбы с правительством. В ответ «дубровинцы» Н. Н. Родзевич (Одесский СРЛ) и Н. Н. Тиханович-Савицкий (Астраханская народная монархическая партия) выступили с инициативой проведения монархического съезда, целью которого было бы объединение всех правых сил. Но общий съезд провести не удалось, вместо него осенью 1915 г. было проведено два «совещания»: в Петрограде (21–23 ноября), организованное сторонниками Н. Е. Маркова 2-го, и в Нижнем Новгороде (26–29 ноября), где собрались приверженцы А. И. Дубровина. «Марковцы» сделали шаг навстречу своим оппонентам, избрав их вождя в созданный на Петроградском совещании Совет монархических съездов. Однако «дубровинцы», менее склонные прислушиваться к мнению властей, на своём совещании в Нижнем Новгороде, несмотря на присутствие там Н. Е. Маркова 2-го, встречного шага не сделали, и лидер «обновленцев» в созданный на этом совещании Президиум монархического движения введён не был. Правда, в дальнейшем наметилось сближение позиций враждующих сторон. Н. Е. Марков 2-й и А. И. Дубровин в течение 1916 г. не раз выступали с совместными заявлениями в печати и даже намеревались провести общий монархический съезд в Москве, однако до объединения дело так и не дошло.

К концу 1916 г. правый лагерь переживал глубочайший кризис. И. И. Дудниченко 29 октября 1916 г. писал: «Я с ужасом смотрю на развал работы и полную никчёмность правых организаций, которые спят и не противодействуют гибели России» (Кириянов 2001: 413). В декабре 1916 г. в пояснении к записке кружка А. А. Римского-Корсакова

признавалось, что «правые партии находятся в состоянии летаргии» (Правые партии 1998: 589). 22 февраля 1917 г., накануне революции один из правых членов Думы, «камергер, предводитель дворянства, боевой монархист», в частном разговоре с жандармским генералом А. И. Спиридовичем пророчески заявил: «...если что случится, вы увидите, что Государя никто не поддержит, за него никто не вступится» (Спиридович 2004: 502).

Не чувствуя поддержки с высоты престола, подвергаясь ожесточённым нападкам со стороны либеральной прессы, разобщённые и растерянные монархисты в начале 1917 г. представляли собой лишь бледную тень некогда влиятельной политической силы и уже не имели ни желания, ни возможностей выступить на защиту самодержавия. Февральская революция не встретила на своём пути сколько-нибудь организованного сопротивления с их стороны. Видный деятель правого движения А. Д. Муретов писал: «Наше поражение было так полно, что оставалось лишь молча уступить поле победителям» (Кириянов 2001: 419).

Позже монархисты пытались объяснить причины постигшей их катастрофы. «Падению монархии предшествовало численное и качественное оскудение монархистов, падение монархического духа, расслабление монархической воли», — утверждал Н. Е. Марков (Иванов 2016: 29). Однако главным виновником такого положения правые называли власть. В тандеме «самодержавие — правые партии» последние в силу особенностей идеологии и менталитета традиционно исполняли роль ведомых, поэтому, когда ведущий (самодержавие) отказался от своей роли, монархисты окончательно растерялись, не зная, за кем идти. Отречение императора от власти и переход её к Временному правительству вследствие решения Михаила Александровича отложить своё восшествие на престол до Учредительного собрания окончательно парализовали правых, так как верноподданные монархисты не могли протестовать против законной воли своего монарха и его преемника. Впоследствии правые утверждали (несколько лукавя), что главной причиной их отказа от борьбы стало нежелание разжигать междоусобную войну в воюющей стране. Кроме того, революция 1917 г. выступала «под видом нарочитого патриотизма, во имя войны до победы якобы для спасения России» (Марков 2011: 327), что автоматически переводило все противодействующие ей силы в разряд антигосударственных и антинациональных. Принять на себя такое клеймо правые не решились.

Политическое поражение правых было обусловлено как внутренними факторами (раздоры и склоки в монархическом лагере, пассивность партийных масс, отход от дел их признанных лидеров, финансовые затруднения и т. п.), так и внешними, среди которых следует прежде всего выделить позицию правительства, не только дистанцировавшегося от монархистов, но и приложившего немало усилий к их ослаблению, а также целенаправленную информационную атаку на самодержавие и его сторонников, предпринятую либеральной оппозицией в 1915–1917 гг., следствием которой стало катастрофическое падение популярности монархии и монархических идей, затронувшее даже государственную бюрократию. Поражение правых было настолько сокрушительным, что ни о каком монархическом реванше (чего вплоть до своего падения так опасалось Временное правительство) не могло быть и речи.

Сведения об авторе:

Омельянчук Игорь Владимирович — доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории Московского городского педагогического университета, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр., 4, e-mail: Omeliyanchuk@mail.ru

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917. — М. : КРОН-ПРЕСС, 1997. — 448 с.

Задонский В. Крест во спасение // Мирный труд. — 1904. — № 8. — С. 211–212.

Иванов А. А. Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика. — М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2011. — 448 с.

Иванов А. А. «Революция будет национальной...»: к вопросу о причинах стремительного поражения правых в 1917 году // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды : сб. науч. ст. — СПб. : ЭлекСис, 2016. — С. 27–33.

Кирьянов Ю. И. Правые партии. 1911–1917 гг. — М. : РОССПЭН, 2001. — 464 с.

Кожин В. В. Загадочные страницы истории XX в. — М. : Прима В, 1995. — 255 с.

Левицкий В. Правые партии // Общественное движение в России в начале XX в. — СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1914. — Т. 3. Вып. 5. — С. 347–469.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений. — М. : Госполитиздат, 1962. — Т. 27. Август 1915 — июнь 1916. — 643 с.

Леонов С. В. Партийная система России (конец XIX — 1917) // Вопросы истории. — 1999. — № 11–12. — С. 29–48.

Майков А. Революционеры и черносотенцы. — СПб. : Отецеств. тип., 1907. — 44 с.

Марков Н. Е. Думские речи. Войны тёмных сил. — М. : Ин-т русской цивилизации, 2011. — 696 с.

Падение царского режима : стенографические отчёты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. — М. ; Л. : Гос. изд-во, 1926. — Т. VI. — 416 с.

Переписка и другие документы правых 1911 года // Вопросы истории. — 1998. — № 10. — С. 94–110.

Постановления Всероссийского съезда СРН и примыкающих к нему организаций. 25 ноября — 1 декабря 1911 г. в г. Москве. — СПб., 1912. — 31 с.

Правые и конституционные монархисты в России в 1907–1908 гг. // Вопросы истории. — 1997. — № 6. — С. 94–110.

Правые партии : документы и материалы 1905–1917 гг. : в 2 т. — М. : РОССПЭН, 1998. — Т. 1. — 720 с.

Союз Русского Народа. — М., 1906. — 16 с.

Союз Русского Народа по материалам чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. — М.-Л. : Гос. изд. тип. Печатный двор в Лгр., 1929. — 444 с.

Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция: Воспоминания. — Минск : Харвест, 2004. — 720 с.

Спирин Л. М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. — 1920 г.). — М. : Мысль, 1977. — 366 с.

Степанов С. А. Численность и состав черносотенных союзов и организаций // Политические партии России в период революции 1905–1907 гг. Количественный анализ. — М. : Ин-т истории СССР, 1987. — С. 184–243.

Степанов С. А. Чёрная сотня в России (1905–1914). — М. : АО Росвузнаука, 1992. — 329 с.

Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. — М. : ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1998. — 672 с.

Шарапов С. Ф. Опыт Русской политической программы. — М., 1905. — 101 с.

Шварц А. Н. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. — М. : Греко-латинский кабинет, 1994. — 362 с.

The Monarchist (Black Hundred) Movement in Russia in 1905–1917

I. V. Omeliyanchuk

MOSCOW CITY UNIVERSITY,
MOSCOW, RUSSIA

Abstract. The emergence of right-wing parties in Russia came as a reaction of conservative-minded segments of the population to the development of the revolutionary movement. These parties stood up for the autocracy and had played a significant role in the events of 1905–1907. The monarchist movement united the representatives of all social classes and became the most mass political movement in Russia during the inter-revolutionary period. The blackhundredist ideology was very critical about the projects of both socialist and liberal-bourgeois reconstruction of Russia. Relying on traditional political and moral (primarily Christian) values, it came up with its own version of the non-capitalist development of the country. At the same time, a prominent place in ideological constructions of the right-wing movement was given to the antisemitism, which seriously affected the political image of monarchists. After the victory over the revolution in 1905–1907, the political activity of the right-wing movement had significantly decreased, which was greatly facilitated by the government, whose interest did not include the existence of an unconventional political force seeking to restore the “pre-manifest” (absolutist) regime. The discord and squabbles in the monarchist camp, caused by the clash of personal ambitions of right-wing figures, the passive behaviour of the party masses, who saw no point in continuing the political activity after the revolutionary ‘turmoil’ had come to its end, as well as financial difficulties, had also played their role. The surge in the right-wing activity caused by the outbreak of the First World War did not change this trend in general. In February 1917,

the small-numbered and scattered right-wing organizations, that had already been experiencing decline, failed to oppose the revolutionary storm and disappeared from the stage of history without a fight.

Key words: Russian Empire, autocracy, monarchist parties, conservatives, Union of the Russian people.

For citation: Omelyanchuk I. V. The Monarchist (Black Hundred) Movement in Russia in 1905–1917. *Orthodoxia*, (4), 84–108. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2021-4-84-108

About the author:

Igor V. Omelyanchuk — Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of National History, Moscow City University, 4, Vtoroy Selskohoziaystvenny proezd, Moscow, Russia, 129226, e-mail: Omelyanchuk@mail.ru

REFERENCES:

Geifman, A. (1997). *Revoliutsionnyi terror v Rossii, 1894–1917* [Revolutionary Terror in Russia, 1894–1917]. Moscow: KRON-PRESS. [In Russian].

Zadonsky, V. (1904). Krest vo spasenie [Cross for Salvation]. *Mirnyi trud*, (8), 211–212. [In Russian].

Ivanov, A. A. (2011). *Vladimir Purishkevich: Opyt biografii pravogo politika* [Vladimir Purishkevich: Biography Experience of a Right-Wing Politician]. Moscow; Saint Petersburg: Al'ians-Arkheo. [In Russian].

Ivanov, A. A. (2016). “Revoliutsiia budet natsional'noi...”: k voprosu o prichinakh stremitel'nogo porazheniia pravykh v 1917 godu [“The Revolution Will be National...”: To the Question of the Reasons for the Rapid Defeat of the Right in 1917]. In *Revoliutsiia 1917 goda v Rossii: novye podkhody i vzgliady : sb. nauch. statei* [Revolution of 1917 in Russia: New Approaches and Views. Collection of Research Articles] (pp. 27–33). Saint Petersburg: “ElekSis”. [In Russian].

Kir'ianov, Iu. I. (2001). *Pravye partii. 1911–1917 gg.* [Right-Wing Parties. 1911–1917]. Moscow: ROS-SPEN. [In Russian].

Kozhinov, V. V. (1995). *Zagadochnye stranitsy istorii XX v.* [Mysterious Pages of the History of the 20th Century]. Moscow: Prima V. [In Russian].

Levitsky, V. (1914). Pravye partii [Right-Wing Parties]. In *Obshchestvennoe dvizhenie v Rossii v nachale XX v.* [Social Movement in Russia at the Beginning of the 20th Century] (Vol. 3, ed. 5, pp. 347–469). Saint Petersburg: Tip. t-va “Obshchestvennaia pol'za”. [In Russian].

Lenin, V. I. (1962). *Complete Works* (Vol. 27. August 1915 — June 1916). Moscow: Gospolitiz-dat. [In Russian].

Leonov, S. V. (1999). *Partiinaiia sistema Rossii (konets XIX — 1917)* [The Party System of Russia (late 19th–1917)]. *Voprosy istorii*, (11–12), 29–48. [In Russian].

Maikov, A. (1907). *Revoliutsionery i chernosotentsy* [Revolutionaries and Black Hundreds]. Saint Petersburg: Otechestv. tip. [In Russian].

Markov, N. E. (2011). *Dumskie rechi. Voiny temnykh sil* [Duma Speeches. Dark Forces Wars]. Moscow: In-t russkoi tsivilizatsii. [In Russian].

Padenie tsarskogo rezhima: stenograficheskie otchety doprosov i pokazanii, dannykh v 1917 g. v Chrezvychainoi sledstvennoi komissii Vremennogo pravitel'stva [The Fall of the Tsarist Regime: Verbatim Records of Interrogations and Testimony Given in 1917 at the Extraordinary Investigative Commission of the Provisional Government] (Vol. VI). (1926). Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo. [In Russian].

Perepiska i drugie dokumenty pravyykh 1911 goda [Correspondence and Other Documents of the Right-Wingers of the Year 1911]. (1998). *Voprosy istorii*, (10), 94–110. [In Russian].

Postanovleniia Vserossiiskogo s'ezda SRN i primykaiushchikh k nemu organizatsii. 25 noiabria — 1 dekabria 1911 g. v g. Moskve [Resolutions of the All-Russian Congress of the URP and Organizations Adjoining It. November 25 — December 1, 1911 in Moscow]. (1912). Saint Petersburg. [In Russian].

Pravye i konstitutsionnye monarkhisty v Rossii v 1907–1908 gg [Right-Wing and Constitutional Monarchists in Russia in 1907–1908]. (1997). *Voprosy istorii*, (6), 94–110. [In Russian].

Pravye partii: dokumenty i materialy 1905–1917 gg. : v 2 t [Right-Wing Parties: Documents and Materials of 1905–1917. In 2 vol.] (Vol. 1). (1998). Moscow: ROSSPEN. [In Russian].

Soiuz Russkogo Naroda [Union of the Russian People]. (1906). Moscow. [In Russian].

Soiuz Russkogo Naroda po materialam chrezvychainoi sledstvennoi komissii Vremennogo pravitel'stva 1917 g [Union of the Russian People Based on the Materials of the Extraordinary Investigation Commission of the Provisional Government of 1917]. (1929). Moscow; Leningrad: Gos. izd. tip. Pechatnyi dvor v Lgr. [In Russian].

Spiridovich, A. I. (2004). *Velikaia voina i Fevral'skaia revoliutsiia: Vospominaniia* [The Great War and the February Revolution: The Memoirs]. Minsk: Harvest. [In Russian].

Spirin, L. M. (1977). *Krushenie pomeschchich'ikh i burzhuaznykh partii v Rossii (nachalo XX v. — 1920 g.)* [The Collapse of the Landlord and Bourgeois Parties in Russia (Beginning of the 20th Century — 1920)]. Moscow: Mysl'. [In Russian].

Stepanov, S. A. (1987). Chislennost' i sostav chernosotennykh soiu-zov i organizatsii [The Number and Composition of the Black Hundred Unions and Organizations]. In *Politicheskie partii Rossii v period revoliutsii 1905–1907 gg. Kolichestvennyi analiz* [Political Parties of Russia During the Revolution of 1905–1907. Quantitative Analysis] (pp. 184–243). Moscow: In-t istorii SSSR. [In Russian].

Stepanov, S. A. (1992). *Chernaia sotnia v Rossii (1905–1914)* [Black Hundred in Russia (1905–1914)]. Moscow: AO Rosvuznauka. [In Russian].

Tikhomirov, L. A. (1998). *Monarkhicheskaia gosudarstvennost'* [Monarchical Statehood]. Moscow: GUP "Oblizdat", TOO "Alir". [In Russian].

Sharapov, S. F. (1905). *Opyt Russkoi politicheskoi programmy* [Experience of the Russian Political Program]. Moscow. [In Russian].

Shvarts, A. N. (1994). *Moia perepiska so Stolypinym. Moi vospominaniia o Gosudare* [My Correspondence with Stolypin. My Memories of the Emperor]. Moscow: Greko-latinskii cabinet. [In Russian].